

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ И МОДЕЛИ ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются основные модели актуализации прецедентного текста в современной художественной прозе. Отмечается, что в качестве основы, обеспечивающей функционирование прецедентных единиц, выступает прототекст, являющийся местом хранения культурных смыслов и ассоциаций. Способом текстовой экспликации совокупности прототекстовых смыслов и ассоциаций на вербальном уровне является использование прецедентной текстовой единицы. Раскрывается ключевая роль инвариантности как основной черты, детерминирующей устойчивость узнавания прецедентной единицы. Определяются актуальные для художественного текста XXI в. модели введения и развертывания прецедентного текста. Анализируется возможность развертывания прецедентного текста через совокупность репрезентированных в рамках прецедентной ситуации иносемиотических формул и кодов с опорой на фрагменты визуального, аудиального и других видов текстовых пространств.

Характерной чертой художественного текста XXI в. является тенденция к интеракции, понимаемая не только как взаимодействие участников коммуникации в рамках коммуникативного акта, но и как взаимообмен на внутритекстовом уровне, предполагающий, что язык художественного произведения как особой знаковой системы характеризуется неоднозначностью семантики и множественностью интерпретаций [1, с. 124]. Сам текст формируется и реализуется как совокупность линейных характеристик, представляющих явления предметного мира в виде последовательной цепи действий и событий, а также факторов, ориентированных на уход в прошлое или актуализацию воспоминаний. Понятия, которые употребляются для описания текста, на основе которого создается новое произведение, включают прототекст, текст-источник, текст-донор, первичный текст. Зачастую в качестве наиболее точного и краткого термина избирается *прототекст*, поскольку префикс «прото-» отражает первоначальность, исконность по отношению к тому, что названо мотивирующим именем существительным [2, с. 131–132]. Элементы, выходящие на поверхность заимствующего текста, определяются исследователями как *прецедентные феномены* и рассматриваются как готовые интеллектуально-эмоциональные блоки, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известные в обществе и постоянно используемые в коммуникации [3; 4]. Реализация данных элементов в процессе непосредственной коммуникации в значительной степени зависит от способности коммуникантов оперировать культурно значимой информацией [3, с. 41–42]. Определение прецедентного текста, предложенное В. В. Красных, позволяет причислить к таким текстам названия произведений художественной литературы, тексты широкого известных

песен, рекламы, анекдотов, политические и публицистические тексты [5, с. 190]. Таким образом, в качестве прецедентных выступают регулярные, эталонные текстовые явления, функционирование которых в заимствующем тексте реализуется с опорой на культурно значимые свойства и характеристики прототекстовых источников.

Особое значение для определения сущности прецедентного текста имеет понятие *инварианта* как структурного образования, предполагающего абстрактное обозначение одной и той же сущности (например, одной и той же единицы) в отвлечении от ее конкретных модификаций [6]. Алгоритм восприятия текста и национально обусловленная совокупность прецедентных текстов (инварианты прецедентов, входящие в когнитивную базу) находятся в отношениях двунаправленной зависимости. С одной стороны, алгоритм восприятия – это тот механизм, который и «создает» инвариант восприятия прецедентного текста, т.е., инвариант восприятия прецедентного текста предопределяется алгоритмом. С другой стороны, входя в когнитивную базу и будучи неотъемлемой частью своеобразной системы координат, инварианты сами задают некоторую систему оценок, выступая как «классические образцы», эталоны восприятия текстов вообще, т.е., инварианты предопределяют алгоритм восприятия [5, с. 195–196]. Отмечается, что алгоритмичность, усматриваемая в процессе непосредственного восприятия прецедентных единиц и изучаемая с позиции функциональной структуры текстового явления, может описываться в терминах модели, под которой понимается сама структура, обладающая объяснительной силой и объясняющая поведение наблюдаемой ситуации [7, с. 95].

Согласно первому описанному подходу с позиции реципиента для установления связи текста с известными из прошлого языкового опыта текстами реципиент должен быть в состоянии воспринять в тексте соответствующие сигналы. При этом предполагается, что прецедентный текст будет знаком всем или наибольшему числу реципиентов определенного лингвокультурного сообщества. Современный художественный текст демонстрирует примеры языковой игры, когда узнавание прецедентного текста происходит без опоры на конкретную номинативную единицу и облегчено развернутым описанием его признаковой составляющей: *“Presumably he was counting off his daily quota of lengths, getting himself in shape, but **it looked unprofitable, forlorn, like that Greek in hell who pushed a rock up the hill all day just to watch it roll to the bottom again**”* (А. Миллер. Охуген). – «Предположительно, он отсчитывал свое ежедневное количество дистанций, намереваясь привести себя в форму, но это выглядело бесполезно, жалко, как у того грека в аду, который днями катил камень в гору только для того, чтобы увидеть, как он снова обрушится вниз» (А. Миллер. Кислород. Перевод здесь и далее мой. – Т. Аникеева) / «С утра по свежесыпавшему снежку в отделение потянулись посетители. Граждане «с воли» входили, тронутые морозцем, краснощекие, бодрые. Однако, попав в сумеречное паркое чрево барака, пахнувшее клозетом, бинтом и казенной кухней, они как один конфузились и робели. Здесь

им делалось не по себе, как тому *древнегреку, который попал в загробное царство*» (О. Зайончковский. Сергеев и городок). Наивный реципиент способен провести отождествление указанных фрагментов античных мифов при помощи апелляции к инварианту прецедентных ситуаций *катить камень в гору, посещать загробное царство*, в то время, как для хорошо знакомого с источником заимствования данной ситуации реципиента актуализация может происходить непосредственно через обращение к прецедентным именам *Сизиф и Орфей*, апеллирующим к соответствующим прецедентным ситуациям. В некоторых случаях источник заимствования текстового фрагмента дистанцируется от самого фрагмента, приобретающего статус автономного и поэтому сближающегося с единицами фразеологического или паремиологического типа: *«К названному журналисту попали Бог весть откуда материалы об источнике зла. Все дело было в игле. Игла была спрятана в яйце, яйцо в селезне, селезень в зайце, заяц еще в ком-то, а все это, в свою очередь, зачихнуто в дипломат»* (М. Шишкин. Венерин волос).

Одним из наиболее распространенных способов апелляции к прецедентному тексту является его развертывание с опорой на прецедентное имя, само определение которого предполагает, что оно связано с широко известным текстом или прецедентной ситуацией [5, с. 197]. Развертывание и конкретизация прецедентного текста происходят через апелляцию к одному из дифференциальных признаков прецедентного имени: *«Помню только, что странные люди протягивают папе странные чаши. Оказывается, обрезанные черепа, из которых они сделали пепельницы. Еще они шутят, что это месть за князя Святослава, из черепа которого печенегу сделали себе чашу для вина»* (М. Шишкин. Венерин волос) / *“She made the place sound like Sodom, which one cast an eye over at one’s peril”* (Н. Jackobsen. The Finkler Question). – *«Она описала это место как Содом, где каждый замечал падение брата своего»* (Г. Джейкобсен. Вопрос Финклера). Как и другие универсально-прецедентные явления, базирующиеся на религиозных текстах и являющиеся хорошо узнаваемыми для представителей нескольких лингвокультурных сообществ, прецедентное имя *Содом* и его дифференциальные признаки (*Содом* представляется как город, уничтоженный Богом за свои злые дела – *‘one of the sinful cities in the biblical book of Genesis, destroyed by “sulfur and fire” because of their wickedness’* [8]) позволяют актуализировать первичное представление о данном городе, которое далее конкретизируется с опорой на эксплицированный признак, дополняющий его описание: порочность Содома усиливается за счет реализации представления о том, что его жители не только не проявляют сострадания по отношению друг к другу, но и радуются несчастьям другого. Схожим образом, в случае повторной номинации, прецедентность имени собственного реализуется с опорой на развернутое пояснение, конкретизирующее источник заимствования – прецедентный текст: *“My name’s Samuel, not Sam. Sam’s a private investigator’s name. Samuel was a prophet”* (Н. Jackobsen. The Finkler Question). – *«Меня зовут Самуил, не Сэм. Сэм – имя частного детектива. Самуил был пророком»* (Г. Джейкобсен. Вопрос Финклера).

Определенные стратегии актуализации прецедентных текстов тесно связаны с другими прецедентными феноменами, в частности, именем-символом: *“So what was left to be done? László had returned to find himself forgiven, understood, well-loved, an **Odysseus with bloodshot eyes and no rivals to scatter.** Of his adventures he had told whatever could be safely told, and answered, honestly, the few questions Kurt had put to him”* (А. Миллер. Охуген). – «Что же оставалось делать? Лазло вернулся и почувствовал себя прощенным, понятым, любимым, **Одиссеем с воспаленными глазами и отсутствием соперников, с которыми нужно бороться.** Он рассказал то, что мог, и честно ответил на те немногие вопросы, которые задал ему Курт» (А. Миллер. Кислород). Базируясь на известном тексте «Одиссеи» Гомера и обладая символическим характером, прецедентное имя *Одиссей* реализуется как полисемичное, обладая комплексом дифференциальных признаков, способных к актуализации [9, с. 93]. Согласно одному из способов актуализации полисемантичности прецедентный текст реализует апелляцию к прецедентному имени, которое включается в прецедентную ситуацию и определяет выбор контекстуально обусловленного семантического компонента. Значительную роль в контекстуальном развертывании предложенного примера играют не только совокупность семантических признаков, свойственных прецедентному имени, но и образность общекогнитивных представлений, проецирующаяся на текстовый фрагмент и усложняющая семантическую структуру прецедентного текста.

Отдельным способом актуализации прецедентных текстов выступает апелляция к прецедентным ситуациям или их компонентам: *“The thing about faith,’ he began, quietly addressing a spider’s web that glittered and trembled with raindrops, a thing of fabulous intricacy under the eaves of the summerhouse, ‘is that it doesn’t have to come **all at once. Road to Damascus, et cetera. You can believe for a morning. Or an hour, if that’s all you can manage. It doesn’t matter”*** (А. Миллер. Охуген). – «Вера – такая штука, – начал он, тихо обращаясь к паутине, наполненной сверкающими и дрожащими дождевыми каплями; удивительно запутанный лабиринт под крышами дачных домиков, “которая не должна приходить **сразу. По дороге в Дамаск,** и так далее. Можно верить только одно утро. Или один час, если тебя на это хватит. Это неважно” (А. Миллер. Кислород). Прецедентный текст и его реализация в данном случае обусловлены развертыванием одного из атрибутов имплицированной прецедентной ситуации обретения веры апостолом Павлом [10, с. 20].

Типичным для современного художественного текста является отражение в нем значительного количества аудиальных, визуальных и других видов отсылок к инотекстовым культурным феноменам и объектам: *“The sight of his wife **rising from the compost like a beau-monde Venus** was the reason Finkler couldn’t keep out of the garden no matter how much he feared it”* (Н. Джекобсен. The Finkler Question). – «Вид собственной жены, поднимающейся от компостной кучи словно великосветская Венера, был той причиной, по которой Финклер не мог держаться подалее от сада, несмотря на все свои опасения» (Г. Джейкобсен. Вопрос Финклера). В данном случае в качестве

образного инварианта, закрепленного в когнитивной базе, выступает художественное произведение С. Боттичели «Рождение Венеры». Перекодированное визуальное произведение искусства, помещенное в языковой контекст, выступает в данном случае в качестве текста, который воспринимается как полноправный участник процесса коммуникации. Отмечается, что относительно долговечные произведения искусства имеют тенденцию переходить из одного контекста в другой; перемещение в другой культурный контекст предполагает их аналогию с поведением информанта, перемещенного в новую коммуникативную ситуацию, что состоит в актуализации прежде скрытых аспектов своей кодирующей системы [11, с. 89].

Проанализированные примеры позволяют сделать выводы об особенностях введения и репрезентации в художественном тексте феномена прецедентного текста. На основе анализа данных способов возможно описание моделей актуализации прецедентных текстов как отдельных структурных последовательностей их текстового развертывания. К одной из наиболее распространенных моделей актуализации прецедентного текста относится его развертывание с опорой на прецедентное имя, дифференциальные признаки которого способствуют успешности установления его прототекстовых характеристик. При этом реализация прагматической составляющей прецедента способна как опираться на выбор одного из признаков прецедентного имени, так и расширяться и уточняться за счет дополнительных ситуативно эксплицированных характеристик прецедентного текста. Другая тенденция к актуализации реализуется через апелляцию к прецедентной ситуации или ее атрибутам. В случае с менее узнаваемыми прецедентными текстами их актуализация происходит без опоры на вербализованную номинативную единицу и может быть облегчена развернутым описанием его признаков составляющей, что создает эффект языковой игры. Отдельной моделью актуализации прецедентного текста выступает использование перекодированного текстового фрагмента, принадлежащего иносемиотическому пространству. Через апелляцию к фонду общекультурных образов и представлений подобные включения позволяют задействовать ряд дополнительных образов и ассоциаций, расширяющих и углубляющих двухмерность текстового пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Романовская, А. А.* Классические античные символы и их семантико-прагматические функции в современном художественном тексте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / А. А. Романовская. – Минск, 2015. – 334 л.
2. *Лушникова, Г. И.* Трансформация прототекста в современном художественном дискурсе: методология и методы анализа / Г. И. Лушникова // Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (43) – С. 130–135.
3. *Нахимова, Е. А.* О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации / Е. А. Нахимова // Один пояс – один путь. Лингвистика взаимодействия : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 16–21 дек. 2017 г. / Уральск. гос. пед. ун-т ; редкол. Н. Б. Руженцева [и др.] – Екатеринбург, 2017. – С. 41–46.

4. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. *Красных, В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М., 2003. – 375 с.
6. Инвариант // Лингвистический энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М., 1998. – С. 80–81.
7. *Ремхе, И. Н.* Статус модели в лингвистических науках и их реализация в когнитивном моделировании языка / И. Н. Ремхе // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2007. – № 8. – С. 94–98.
8. Sodom and Gomorrah // Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа : <https://www.britannica.com/place/Sodom-and-Gomorrah>. – Дата доступа : 11.05.2020.
9. *Багаева, Д. В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / Филология ; под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – М., 1997. – С. 82–102.
10. Павел Апостол // Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М. : Директ-Медиа, 2014. – С. 20.
11. *Лотман, Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Избр. ст. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 129–132.

The article deals with the description of the main models of precedent text actualization in modern literary text. The use of precedent text relies on appealing to prototext structures. The notion of invariant stands as the main text feature determining the stability of precedent phenomenon identification.